

РАССКАЗЫВАЮТ, что, утверждая в каком-то споре истинность актерской природы, первою ее силу, Вера Федоровна Комиссаржевская взяла да и прочтала таблицу умножения как насыщенный глубокими подтекстами монолог-размышление о судьбе женщины, то и дело повторяя после каждого цифрового столбца: «А дважды два — четыре!» Убежден, что и Алиса Фрейндлих способна потрясти зрителя по-своему прожитой таблицей умножения или, скажем, Периодической системой Менделеева. Нет, это не аллегория восторженного почитателя, получившего возможность публичного изъяснения восторгов. Это обосновано фактом.

...В 1958 году в Ростове-на-Дону шли мы с Алисой Брунковой по городу. Ей надо было купить «расхожие» летние туфли. Я спрашивал ее, трудно ли достался дебют в Ленинградском театре драмы (ныне

другой болтал ногой». Ну, не чепуха ли? А в зрительном зале муха не пролетала — заволакивал внутренний монолог героини Фрейндлих, девушки, едва прикоснувшейся к проблемам самостоятельной жизни, едва ощутившей приход любви, ответственность за судьбу любимого человека — судьбу путаную, некрасивую, с пятном порока (парень был вором). А в другом спектакле ее героиня, такая же начинающая взрослую жизнь девочка, готовила обед, убирала в комнате, пылесосила медвежью шкуру, разостланную на полу, и напевала: «Что-то очень интересное слышится в эфире, что-то очень интересное происходит в мире!»... Слова словами, мелодия мелодией, а симфония, созданная актрисой, — симфония жизни духа человеческого, такого близкого и очищающего, что горло перехватывало, — это запомнилось навсегда.

Сошли спектакли, в которых Фрейндлих была то Олей, то Машей, то Верой —

Алиса ФРЕЙНДЛИХ.

ЧУДЕСНАЯ АЛИСА

профиль
артиста

Александр КРАВЦОВ

— Театр имени В. Ф. Комиссаржевской). Не сбавив шага, не забывав о цели нашего путешествия по магазинам, она стала рассказывать о своей роли мальчишки-беспризорника. Незаметно для себя она перевоплотилась в угловатого мальчишку, появилась в ней грустная ранняя взрослость ребенка, спела она мне его песенку и сыграла (нет, это к ней не подойдет) — прожила всю роль от начала до конца. Только концы и начала были не видны, не осязаемы: это была сама жизнь, сама правда жизни, но особая, преображенная творчеством художника. И песенка была не просто песенкой, а монологом, который, при всей своей внешней непритязательности, потряс меня биографией подростка, рано повидавшего трясину бытия и бросающего вызов всему социальному болоту, в центр которого он волей судьбы попал.

Позже Алиса Фрейндлих пала во многих спектаклях. Для нее специально писали и пишут песенки. Иногда это сущие пустяки по тексту и мелодии. В песне-мочологе живет эта неповторимая актриса. Вырванные из контекста пьесы и роли, песенки ее теряют магическую власть над мыслями и воображением слушателей. Их надо не только слышать, но и видеть.

Помню, в одном из ранних своих спектаклей сидит она за столом, думает и напевает: «Сидели два медведя на ветке зеленой. Один сидел, как СЛЕДЫВАИТ, другой болтал ногой». Затем — о том, как я один летел, как СЛЕДЫВАИТ,

«Человек со стороны». Н. В. Щеголева — А. ФРЕЙНДЛИХ.

«Трехгрошовая опера». Селия Пичем — А. ФРЕЙНДЛИХ.

девушками кануна шестидесятых годов. Забылись пьесы, стерлись из памяти образы, созданные ее партнерами — актерами хорошими, иногда даже отличными, — но живут в каждом, кому довелось видеть Алису ранней творческой поры, ее шедевры, ее открытия. Алиса Фрейндлих в спектаклях «Дом на одной из улиц», «Время любить», «Случайные встречи» создала целую культуру актерского существования на сцене — у нее появилось множество подражателей.

Нынешняя Фрейндлих на сцене — другая. Но и та же. Она не оторвалась от юности своего поколения, она выросла вместе с ним. Она чутко слышит его и воспроизводит слышимое без единой фальшинки. Она творит правду современности в каждой новой роли. Это может быть и непо-

средственно живущая в семидесятые наши годы Нина Васильевна Щеголева из «Человека со стороны» И. Дворецкого. Или арбузовская Таня. Или шекспировские Джульетта и Катарина, счастливая Элиза Дулитл из «Пигмалиона» Б. Шоу и несчастная Селия Пичем из «Трехгрошовой оперы» Б. Брехта. Это может быть и Катерина Ивановна из «Преступления и наказания» Ф. Достоевского. Всегда и повсюду Алиса Фрейндлих — наша современница и все, чем живет ее героиня на сцене и на экране (она немало снималась, и ее слово в кино — еще впереди), зеркально проецируется в каждом зрителе.

Именно в каждом, потому что Алиса Бруновна обращает свое творчество персонально к тебе, а не ко всему зрительному залу огулом. Ей не свой-

ственны общие «посылы» в зрительный зал, и, наверное, потому ее однажды назвали актрисой «тихих страстей». Вместе с тем камерность, тонкая ткань психологических подробностей, рождаемых богатым душевным арсеналом актрисы, вовсе не исключают публицистичности ее творчества. И прежде всего потому, что невозможно оторвать творческий путь Алисы Фрейндлих от творчества режиссера Игоря Владимировича. Чуткий к изменениям, к диалектике общественной жизни, режиссер в каждом новом спектакле решительно требует от себя и от актеров руководимого им Ленинградского театра имени Ленсовета четкости воплощения современной идеи, находит и новые средства для ее сценического выражения.

Алиса Фрейндлих — ближайший соратник поисков И. П. Владимировича. Ее Таня из одноименной пьесы А. Арбузова стала дочерью шестидесятых, а затем и семидесятых годов. Она, не в пример своим предшественницам, мыслит конкретно, отрывается от своей судьбы в пользу любимого человека, имея определенную программу помощи ему. С героиней Фрейндлих не происходит «превращений»: она и в конце спектакля остается той же Таней, которую мы видели в начале. Изменяется инвентарь ее взаимоотношений с людьми. В Тане «прорастает» то, что мы привыкли называть общественным мышлением. И зритель видит, ощущает, сопереживает малейшее внутреннее движение в обра-

зе мысли и чувства Тани. То же целостное ощущение современной проблематики появляется у нас, когда мы следим за А. Фрейндлих в небольшой, но ставшей художественным открытием роли Катерины Ивановны Мармеладовой в инсценированном и поставленном на сцене Театра имени Ленсовета «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского.

Эта постановка отвергает гнусность рожденной и бытующей в капиталистическом мире «теории» одиночества человека среди людей, пресловутой «некоммуникабельности». Внутренний пафос спектакля остро современен. И Фрейндлих в роли Катерины Ивановны — мощное отражение этого пафоса. Вот она, раздавленная унижениями, обезумевшая, утрачивающая ощущение реальности, сидит и перебирает вещи детей и покойного мужа. Складывает их бережно, относится к ним, словно к живым людям. Негромкая, но страшная сцена.

Исследователи творчества Ф. М. Достоевского утверждают, что Алиса Фрейндлих открыла им нечто совершенно неизвестное ранее, но, как выяснилось, заложенное в романе, в образе несчастной и гордой Катерины Мармеладовой. Помню первый триумф Алисы Фрейндлих в Москве, на гастролях Театра имени Комиссаржевской. Ставили пьесу Ольги Берггольц «Рождены в Ленинграде». Фрейндлих была Машей, деревенской девушкой, судя по выговору, откуда-то из-под Вологды. Она жила вместе с другими молодыми рабочими в блокадном общежитии, ходила за старым, потерявшим от голода силы профессором, человеком подзрительным, опустившимся внутренне и внешне. И словно в музыкальном произведении — в «Седьмой симфонии» Шостаковича, где звучит одинокий фагот, затем вступающий в оркестр, — в образе провинциалочки Маши возникла оркестровая музыка. Она на наших глазах становилась истинной ленинградской, рожденной в блокаде, в борьбе за жизнь, за человека. Актриса тогда не знала в Москве, но весь запас цветов, принесенных зрителями на спектакль, был отдан ей: москвичи угадали, увидели и поверили в большую актрису, которую нынче знают все. Это было тринадцать лет назад.

Фрейндлих вся в будущем. Кинозрители едва лишь прикоснулись к ее творчеству в фильме «Похождения зубного врача», телефильме «Моя жизнь» и маленькой новелле из «Семейного счастья» (по А. П. Чехову). В новейшем фильме «Исполняющий обязанности» сценариста А. Червинского и режиссера И. Поголоцкого мы увидели ее в роли неудачливой и трогательной Евгении Синегреч, молодого архитектора. По-видимому, здесь чудесную Алису заметят больше, чем в других кинолентах, — здесь торжествует ее актерская тема: юность и трепетность души человеческой.